

▲ Иллюстрация:
Ева Корчагина

СКОРОСТЬ

*Запланированное устаревание – свойство товаров,
созданных с неоправданно коротким сроком эксплуатации
с целью вынудить потребителя делать повторные покупки.*

(Джеремми Булоу, «Экономическая теория запланированного устаревания»)

...А потом на планерке под боссом рассыпался стул.

Под мореное дерево, с гнутыми ножками – стул вздохнул и пошел распадаться на атомы. Прямо под боссом – скривившим в волнении рот, вдохновенно растрепанным, с потными пальцами... ухнул, сжался, исчез. Босс плюхнулся на пол. Из горла его раздалось возмущенное «э-э».

Босс прокашлялся. Босс встал на ноги. Губы его задрожали.

– Вопиюще! – взвилось над планеркой, как чайка. – Непростительно! – Босс покраснел. – Кто подсунил вчерашнюю мебель?

– Мне подсунили, босс, – произнес первый менеджер. – Я виноват. Не проверил. Никто не смеялся. Молчание было натянутым. Боссу подвинули стул.

– Я надеюсь, хоть этот – сегодняшний? – Босс смотрел с ядовитой улыбкой. Яда было достаточно, чтоб отравить всю планерку. Первый менеджер сделался бледен.

СРОК ГОДНОСТИ НАШЕЙ ПРОДУКЦИИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДВАДЦАТЬ ТРИ СОРОК ВЗАМЕН УСТАРЕВШЕГО ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ-СТАНДАРТА

– Это новая партия. Прямо с обеда. – Он скопился глазами на стул, ожидая какой-нибудь пакости.

Стул был прочен, красив и уверен в себе. Лакированный, черный, с гогучею спинкой – он был как скала. Он готов был стоять от обеда до вечера, а в ночное, усталое время – распасться. Как и люстра над нами. Как стол. Как планшеты на нем (*сохраняйте все данные в облачном сервисе «Яндекс»!*).

– Продолжим. Итак... – босс взглянул на планшет, – ускоренье. Срок годности нашей продукции должен быть двадцать три сорок взамен устаревшего двадцать четыре-стандарта. Вот то, к чему надо стре-

миться. Вот то, что позволит задать стимуляцию спроса на три и четырнадцать сотых процента...

И он замолчал. Он смотрел на меня. Все смотрели. Была моя очередь что-то сказать. Я – технолог. Последнее слово за мной.

– Нет, – сказал я и сам удивился. – Это слишком. Слишком быстро. Пугающе быстро. Потребитель привык, что срок годности купленной вещи – двадцать четыре часа. Ни минутой меньше. Он настроился. Он потребляет по графику. Мы же... мы...

Я закрыл себе рот. Я был очень испуган. Что я говорю? Почему протестую? Я хочу увольненья? Прибавки к зарплате? Чего я хочу?

Босс стал густо-красным и злым. Закипел и взорвался.

– Что ты позволяешь себе?! – Крики бились о стены. – Ты против ускорки?! Ты против того, чтобы все покупали?! Ты... – он прищурился хищно, – ты, друг, не из **эти**х ли, случаем? Планерка смеялась. Отрывисто, громко, взახлеб. Как нормальные люди, не **эти**, из секты Медлителей (*запрещена во всем мире, особо опасна*). А я что – сектант? Раз я против? Я думал, и мысли мои мне не нравились.

– Уволен, – сказал босс, – статья два-четыре-надцать нового Кодекса. За аморальность суждений.

Стул скрипнул под ним. Босс испуганно вздрогнул.

– Сегодня зайдешь за расчетом, – добавил он миролюбиво. – С-сектант...

Все опять засмеялись. Мне было тоскливо. Я встал и, попрощавшись, вышел за дверь. ...А потом были улицы, полные звуков и красок. И шуршание шин по асфальту, и яркость витрин. Я измученно брел мимо них, сунув

МОЙ ДОМ **СОВСЕМ НОВЫЙ** – ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ. **НЕ ВОЛНУЙСЯ**

руки в карманы. Я был обречен покупать. Это было проклятие века. За что? Я был очень несчастен.

В нагрудном кармане запело. Я вынул смартфон (*это Ника-качество! на гарантии двенадцать четыре часа*).

– Загрузил? – На экране был офис, и стул под мореное дерево, и широкий, как озеро, стол. Секретарша хихикнула. – Глупый. Ты сам все испортил. Вот зачем было так злить начальство?

– Не знаю, – сказал я, что было, естественно, правдой. – Я мог согласиться, конечно... но это абсурд! Еще больше ускориться... этак дойдем до покупок раз в час... если так все пойдет, как он хочет...

Секретарша вздохнула.

– Прогресс. Мы должны потреблять, как конвейер. Мы не можем позволить замедлиться. Ускоренье – основа всего... – Белоснежные

зубки блеснули. – Сочувствую. Очень. Когда ты меняешь квартиру?

Она была очень добра, что напомнила.

Завтра. Срок годности дома был до десяти двадцати. Очень старый. Неделя. Предел...

...Что будет, когда дома станут жить не семь дней, а четыре? Три дня? Я вспотел от волнения. Это – прогресс? Это пытка для нервов!..

– Спокойно, – она подмигнула. – Ты можешь пожить у меня, пока снова не будет работы.

Мой дом совсем новый – двенадцать часов.

Не волнуйся.

Я чуть не расплакался. Слезы душили.

– Спасибо, – сказал я смартфону, – ты просто спасаешь меня. Спасибо. Приду. Сохраняю твой адрес...

...в сервис-облако «Янтекс». Я успел за четыре секунды. А потом – грустный старый смартфон от Ника мигнул и распался на атомы.

И гарантия кончилась.

* * *

Утро было больным, блеклым, пасмурным, серым. Я проснулся и долго смотрел в потолок. Ничего не хотел. Ни к чему не стремился.

– Вставай. – Секретарша была деловита. Она красила губы помадой (*Лариаль – семь часов на губах!*) и листала смартфон. – У нас встреча сегодня.

Я ожил.

– Работа?

Она закатила глаза.

– Нет. Но встреча не менее важная. Я хочу кое-что показать тебе... Ты оценишь, я знаю, – она подмигнула. – Тут близко идти. Квартал восемь-тринадцать.

Утро стало загадочным.

– Это музей! Я был там... еще в школе, с экскурсией. – Мысли мои танцевали. – Там старинные здания, больше таких не осталось. Им... лет сорок, наверное. Древние. Старше тебя и меня. Удивительно, правда?

Она улынулась.

– Ты знаешь, когда-то дома жили сотню и более лет. И мебель – годами. И гаджеты. Долгое, очень тягучее время. Его надо было ускорить. Прогресс, понимаешь ли... – зло процедила она.

– А ты против прогресса? – Я просто спросил...

...она просто ответила:

– Да.

Утро стало опасным.

– Это тайная встреча, – сказала она, – пусть все будет в секрете. Мы давно там встречаемся. Мы не берем чужаков. Но ты – свой. Твой протест на планерке дает тебе право прийти. Знаешь, кто мы?

В груди моей похолодело.

– Вы – из **этих**? – Я ткнул пальцем в небо. – Медлителей (*запрещены во всем мире, особо опасны*)?

Глаза ее сделались жесткими.

– А если и так? Ты что, трусишь? – Она посмотрела с презрением. – Ты не боец?

Мне враз стало тоскливо. Ну да, не боец. Бесполезен.

– Я буду стараться не трусить, – сказал, сам себе удивляясь.

Сказал и осекся. Это было так странно. Точно я был не я.

Может, так начинается смелость?

...Утро стало отчаянным.

* * *

Время было тягучим, как патока, долгим и вязким. Я посмотрел на часы. Они шли – важно, чинно, замедленно, там, над моей головой. Никуда не спешащие стрелки. Секунды-шажки. «Сколько им? Год, два, десять? – подумалось вдруг. – Это мерное тиканье – вызов... что ж, я принимаю его».

Голоса наплывали, толклись. Время тонкой струйкой цедило минуты. Я слушал. Слушал, что говорили.

– Удалось протолкнуть в Госсовете проект, он урежет ускорку полутора сутками, – вдохновенно вещал кто-то выбритый, толстый и в траурно-черном. – И вы знаете – многие «за»! Люди просто устали. Ведь двадцать четыре-стандарт...

Его грубо прервали.

– Продажники что? Не бунтуют? Не ноют о том, что у них в полтора раза схлопнется прибыль? Ты же этим законом им крылья подрежешь! – смешок. Говорящий прокашлялся.

Время текло. Его было в избытке.

– Плевать, – сказал голос того, кто был в черном, – поноют и примут. Двенадцать часов – как защита от форс-мажора...

...к примеру, *вчерашнего стула*.

Мне сделалось весело. Вспомнил планерку и босса. Стол, широкий, как озеро, белые лилии люстр и...

– ...и срочно принять превентивные меры...

А это была секретарша. Она была стиль-

ной и строгой, в велюровом сером костюме (одежда от Пратта – шестнадцать часов на гарантии!). Глаза ее были подчеркнуты тонкими стрелками.

– ...собрался ускорить срок годности до двадцати трех сорока, – доложила она. – Сумасшедший продажник. Закон ограничит таких... надо только принять побыстрее. А то он запустит вам новую линию, по двадцать три сорок-стандарт...

Время было безжалостно.

– ...только когда будет новый технолог, – сказала я. – Меня он уволил вчера. За простест.

Сказал с гордостью. Что ж, я хоть чем-то гордился.

Она улыбнулась. Она ткнула пальцем в меня.

– Да, он ищет работу. Отличнейший спец, высочайшего уровня. Ну... кому нужен технолог, Медлителити?

Мерно стучали часы. Я ждал в древнем здании древне-музейного комплекса, за престарелым столом (ему тридцать два года, шепнула тогда секретарша, ты можешь представить!), на стуле, что старше меня... и мне было уютно. Я тоже замедлился.

Сердце мое билось, точно часы.

Толстый-бритый смотрел на меня с интересом.

– Можно пристроить в команду Асперского, – вдруг сообщил он. – Им нужен наш человек. Эти спецы по компьютерным вирусам что-то мухлюют. Вот уж где ускорка способна напакостить больше всего – в антивирусной сфере!

Я опять вспомнил босса и стул, жалко тающий в воздухе. Очень наглядно. Нагляднее, чем...

– Берегитесь! Полиция!

Дверь распахнулась. Они ворвались – с паралич-пистолетами на изготовку.

– Вы арестованы! Всем оставаться на месте! С-сектанты...

Часы заскрипели и встали. Их время пришло.

***

...Ноздреватое облако-сыр. Я смотрел из окна полицейской машины и думал – слизнуть? В животе забурчало – я так и не за-втракал.

– После покормят, в участке, – сказал толстый-бритый. – Звонил своему адвокату. Он скоро подъедет. Спокойно!

Ему закивали. В окне проплывали деревья. Зеленые кроны шуршали...

...все громче и громче, и желтое, сытое солнце светило все ярче и злей. И окно распорилось. И серые, мутные стены распались на атомы. И прекратились колеса. И все обратилось в ничто...

...и водитель ругнулся:

– Какого же... мать вашу... кто... кто подсунул вчерашнюю, так вас и этот, машину?

Я сидел на асфальте. Ушибленный копчик болел. Секретарша тряхнула меня за плечо.

– Что расселся? Бежим! Ускоряйся, пока не опомнились копы!

И я побежал вслед за ней, а за мною пыхтел толстый-бритый. И асфальт под ногами гудел, отбивая кроссовки от Нойк (все по двадцать четыре-стандарту! не лжем потребителям!). И жестокое солнце клевало макушку.

– Вперед! Поднажми!

Я нажал. Мои ноги несли меня мимо квартала пятнадцать-тринадцать. Я его не узнал, и квартал не узнал меня тоже. Белоснежный и хрупкий, как лед – офис-центр истаял.

Вместе с люстрами, стульями, стенами... боссом... Впрочем, нет. Босс остался. Он был в атитасовской форме (наш знак качества – двадцать часов!), бодр, подтянут и весел.

Он дул в громогласный свисток. Все бежали по полю. Коричневый мяч удирал.

– Это корпоратив, – секретарша прищурилась. – Четко играют. Не хочешь...

И коричневый мяч подкатился к ногам. Он был робок. Он жался ко мне, как котенок.

Я был бессердечен. Я ударил его что есть злости – и мяч полетел...

...прямо в голову боссу, что дул, покрасневшись, в свисток.

Все ускорилося. Ветер завыл. Бледно-сырое облако в небе распалось на части.

...а мстительный мяч все летел.

Босс метнулся навстречу. Свисток завизжал.

– ...ты... себе... позволяешь?.. – послышалось в визге.

И мяч разорвало на атомы.

Пух-х.

Я смеялся. Босс тоже. Свисток был по-птичьему звонок.

– Кто опять мне подсунул вчерашнее? – грозно сказал босс. – Придется кого-то уволить.

И АСФАЛЬТ ПОД НОГАМИ ГУДЕЛ, ОТБИВАЯ КРОССОВКИ ОТ НОЙК

Смотрел на меня. А мне было не страшно.

– Ну, так я уже как бы уволен, – сказал я ему, – и вообще – я тут мимопробегом.

Босс хмыкнул.

– Вот именно – «как бы!»! Может, я передумал... тебя увольнять, и вообще...

Истерично завывли сирены. Погоня приблизилась. Босс подмигнул.

– Так и знал – ты из **этих**, Медлителей (*запрещены во всем мире, особо опасны*). Вы все время во что-то встаете... впрочем, без разницы... Кто-нибудь! Дайте сюда новый мяч! Мяч вкатился на поле.

– Это сегодняшний, – кротко сказал первый менеджер. – Мамой клянусь.

Копы были в машине. Она подъезжала, гудя.

Ноздреватое облако плыло над нею.

– С-сектанты, – сказал босс с отеческой нежностью. – Что ж вы против прогресса, негодные? Да, а что оно есть – этот самый прогресс? Ускорение – или, напротив, надежность?

Босс думал. Морщины скакали по лбу.

Я молчал. Я не смел прерывать его мысли. Его замедление.

– Может, продолжим? Пока босс в себе разбирается? – Взгляд секретарши был весел.

...а мяч отдыхал на траве. Он был нов и неопытен. Он и не представлял, что его ожидало. Я пнул по мячу. Он, растерянно бумкнув, взлетел...

...и полет его был восхитительно долгов. ■